

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 128–132

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 128–132

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132>

EDN: JYWAGO

Научная статья

УДК [1:316]:004

Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена»

Н. В. Гришечкина^{1,2}✉, С. В. Тихонова^{1,3}, В. Б. Устьянцев¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

³Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Гришечкина Наталья Васильевна, кандидат философских наук, доцент, ¹докторант кафедры теоретической и социальной философии;

²доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, ¹профессор кафедры теоретической и социальной философии,

³старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной философии, segedasyv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Аннотация. Введение. Трансдисциплинарность как фундаментальная характеристика гибридного неформального знания, характерного для цифрового общества, может быть эксплицирована в проблемном поле социальной философии. **Теоретический анализ.** Основной категориальной экспликацией трансдисциплинарности является сравнение понятий «зоны обмена» и «социально-эпистемические арены». Первое задано категориальными рядами философии науки, второе является социально-философским конструктом. Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что зоны обмена отражают изначально интеринституциональный статус коммуникации, восходящий к П. Галисону, и в ней изначально ведущая роль принадлежит гуманитарному специалисту, который выступает медиатором-посредником. В социально-эпистемических аренах большее значение уделяется медиа и обывателям, совпадающим в цифровом обществе с максимально-широким кругом пользователей. Компромиссная позиция может быть сформулирована при обращении к модели трансэпистемических культур К. Кнорр-Цетины. **Заключение.** Трансдисциплинарность как особая цифровая зона, продуцирующая трансэпистемические культуры, обладает чертами как зоны обмена, так и социально-эпистемической арены. Ее гибридные характеристики заданы структурой цифрового общества, в котором институциональные границы проницаемы, горизонтальное взаимодействие сопровождается и укрепляет вертикальное, а сети по умолчанию являются механизмами распределения знания.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, социальная философия, социальная философия науки, СТС, социально-эпистемические арены, зоны обмена, социальная коммуникация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Гришечкина Н. В., Тихонова С. В., Устьянцев В. Б. Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 128–132. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132>, EDN: JYWAGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transdisciplinarity in the problematic field of social philosophy: “An exchange zone” vs “a socio-epistemic arena”

N. V. Grishechkina^{1,2}✉, S. V. Tikhonova¹, V. B. Ustyantsev²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

³South Ural State University ((National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

© Гришечкина Н. В., Тихонова С. В., Устьянцев В. Б., 2024

Nataliya V. Grishechkina, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Abstract. Introduction. Transdisciplinarity as a fundamental characteristic of hybrid informal knowledge specific to a digital society can be explicated in the problematic field of social philosophy. **Theoretical analysis.** The main categorical explication of transdisciplinarity is the comparison of the concepts of an exchange zone and socio-epistemic arenas. The first is defined by the categorical series of the philosophy of science, the second is a socio-philosophical construct. A comparative analysis allows us to conclude that the exchange zones initially reflect the inter-institutional status of communication, dating back to P. Galison, and initially the leading role in it belongs to a humanitarian specialist who acts as a mediator. In socio-epistemic arenas, more importance is given to media and ordinary people, who coincide in a digital society with the widest possible range of users. A compromise position can be formulated when referring to the model of trans-epistemic cultures of K. Knorr-Cetina. **Conclusion.** Transdisciplinarity as a special digital zone producing trans-epistemic cultures has features of both an exchange zone and a socio-epistemic arena. Its hybrid characteristics are determined by the structure of a digital society in which institutional boundaries are permeable, horizontal interaction accompanies and strengthens vertical interaction, and networks are mechanisms for the distribution of knowledge by default.

Keywords: transdisciplinarity, social philosophy, social philosophy of science, STS, socio-epistemic arenas, exchange zones, social communication

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation. Competition "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital literacy: Interdisciplinary research (regional aspect)".

For citation: Grishechkina N. V., Tikhonova S. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity in the problematic field of social philosophy: "An exchange zone" vs "a socio-epistemic arena". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 128–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-128-132>, EDN: JYWAGO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Становление цифрового общества затрагивает не только структурные аспекты социальной динамики, но и специфические компоненты, лежащие в основании нормативно-аксиологического среза цифровой духовной культуры – гибридные знания. О фундаментальном значении неформального распределенного знания в цифровую эпоху все чаще говорят исследователи, фокусирующиеся на социальных аспектах диалога и общества [1–3], а также сторонники акторно-сетевой теории [4–6]. Связь новых технологий коммуникации и трансформации познавательной активности человека интенсивно исследуется в социальной эпистемологии. Однако социальная философия способна надежнее раскрывать социальные структуры современных знаний, по-новому сопрягающие науку, практику и повседневность в трансдисциплинарности. Под последней мы будем понимать новую форму социальной коммуникации, связывающей цифровыми инструментами исследователей, активистов и обывателей в производстве гибридного знания, необходимого для удовлетворения сложных уникальных потребностей широких слоев населения. Потенциальная аудитория трансдисциплинарного знания совпадает с потребительской аудиторией индустрии культуры общества потребления, однако продукт, в котором заинтересована первая, невозможно произвести стандартным способом массового производ-

ства, поскольку речь идет о нетиповых случаях и требует доводки, калибровки на месте. Кроме того, последнее обстоятельство меняет и образ реципиента трансдисциплинарного знания, по сравнению с реципиентом массовой культуры он играет не пассивную, а активную роль субъекта. Эту активность обеспечивают цифровые технологии, культивирующие просьюмеризм и гражданскую науку. Гибридное знание всегда производно из интересубъективной реальности жизненного мира, оно вбирает в себя локальные элементы социокультурного контекста, разделенные коммуникантами, его производящими.

Теоретический анализ

Очевидно, что если специфика трансдисциплинарности заключается в том, что это знание формируется через дисциплинарные и институциональные границы, то состав его коммуникантов плюрален. Структурно такая социальная коммуникация не может быть монологической, а поскольку в ней нет нисходящей трансляции, а в процессе горизонтального диалога ее участники совместно формируют доступный для их понимания гибрид, объединяющий научное и социальное (прагматическое, этическое, эстетическое), постольку ситуация, когда в этой коммуникации познает только один, невозможна. Субъект познания в ней распределяется. Кроме того, трансдисциплинарность редко сводится к единичному акту коммуникации, по факту речь

идет о множественности когерентных актов, осуществляемых довольно устойчивым составом коммуникантов по одному поводу. И. Т. Касавин в схожем контексте говорит о «зонах обмена» [7], а Д. С. Артамонов – о социально-эпистемических аренах [8]. Первый позиционирует свою концепцию зон обмена как часть проекта по социальной философии науки, второй работает с категориальными рядами цифровой социальной философии. Рассмотрим эти два понятия подробнее и сравним их.

Данные концепции, как представляется, отражают процесс производства знания в современном обществе с разных сторон. Понятие «зона обмена» впервые было введено П. Галисоном в книге «Образ и логика» в 1997 г., где под ним понималось одновременно социальное и интеллектуальное пространство, которое обеспечивало интеграцию прежде автономных практик создания научных инструментов и дисциплинарных пространств, в которых осуществляются экспертиза и теоретизирование [9, с. 76]. То есть данное понятие было призвано отразить формы взаимодействия ученых, философов и инженеров в современном обществе. Концепция зон обмена конструирует пространство производства знания, отталкиваясь от самого пространства науки. Таким образом, характер и формы коммуникации в данной концепции задаются самой наукой. Концепция отражает внутренний институциональный контур изменений. Как отмечает И. Т. Касавин, «причины коммуникативного тренда предоставляет сама современная наука, поскольку она выходит далеко за рамки отдельного социального института и начинает программировать и проектировать все пространство современного общества» [7, с. 9]. Представленная позиция закладывает отношение эквивалентности между объективированными в обществе достижениями науки и широким спектром современных дисциплинарных подотраслей. Поскольку наука меняет не только физическую реальность природного пространства, но и стремится к просвещенческой перекройке человека и общества, постольку оправдана интерпретация любой наукоемкой технологии как технологии социальной и в то же самое время социальной коммуникации. Более того, наука как социальная коммуникация имеет статус метакоммуникации, опосредуя технологическим компонентом все остальные человеческие коммуникации. Проблема в том, что научная коммуникация не работает линейно и равномерно, ее дискретность объясняется столкновением с проблемами. Как правило, новая проблема означает для науки создание но-

вой инфраструктурной инструментальной базы и контакт с людьми, которые управляют элементами этой базы. Иначе говоря, столкновение с пограничным объектом вызывает формирование материальной площадки, на которой запускаются исследования междисциплинарного и трансдисциплинарного толка, консолидирующие усилия экспертов, принадлежащих к разным дисциплинарным и институциональным мирам. Эксперты, как и любые другие люди, не могут спонтанно развивать синхронную деятельность, они разговаривают на разных языках научных коммуникаций и их взаимодействие нуждается в посреднике. Зона обмена – это территория, на которой появляется фигура медиатора, нового «научного персонажа», который обеспечивает поддержку общения и перевод смыслов в гетерогенной группе коммуникантов. Показательно, что в галисоновской модели представителям естественных наук и инженерам не хватает культурных и специальных коммуникативных компетенций для эффективного выполнения этой роли, поэтому медиатором у него должен стать гуманитарий.

Концепция социально-эпистемических арен отражает процесс производства знания со стороны общества в его новом качестве, а именно цифровом, т.е. то, как меняется процесс производства знания и бытие науки под воздействием социальных изменений. Характер и формы коммуникации по производству знания через призму данной концепции задаются обществом в целом и отражают общесоциальные тенденции развития социума. Как отмечает Д. С. Артамонов, «в рамках социально-эпистемических арен субъектом производства знания оказывается не только научное сообщество, но и многообразные заинтересованные субъекты, а также информационные посредники» [8, с. 241]. Социально-эпистемическая арена, по определению автора, это коммуникационная площадка производства исторической информации и представлений о прошлом, составляющих основу медиапамяти, в которой нивелируется граница между знанием и памятью, основанная на субъективном восприятии социальной реальности. Знаниевый продукт данного производства, а именно коллективные образы прошлого, является результатом распределенного познания основных участников процесса – ученых, граждан, цифровых технологий, которые нуждаются в получении надежных данных о событиях прошлого, вступают в разнонаправленные коммуникации. Участники процесса в то же время выступают в роли экспертов, дающих право на жизнь тому или иному кон-

тенту знания. Между ними запускается процесс выяснения социально прочных и эпистемически надежных фрагментов наличных данных, а затем их систематизация в когерентное целое. Он осуществляется по принципам хабермасианской коммуникативной рациональности, где по мере отбраковки сомнительных данных формируется коллективный конструкт, легитимизируемый сообществом его создателей и позднее обществом в целом. В отличие от зон обмена, социально-эпистемические арены не являются материальным местом, а представляют собой пространство коммуникации, заданное медиа и цифровыми технологиями.

Используя возможности цифровых технологий и социальных медиа, ученые и любители истории создают социально-эпистемические арены, на которых в процессе коммуникации вырабатываются знания о прошлом, также являющиеся предметом исследования. Таким образом, для бытия социально-эпистемической арены важен временной аспект, который задается обществом, отражая его потребности, ценности, идеалы и т.д.

Согласимся с Д. С. Артамоновым в том, что эталоны профессиональной коммуникации, принятые в формальном и неформальном взаимодействии офлайн, имеют существенные отличия от стандартов взаимодействия этих же профессионалов в онлайн [10]. Социальная коммуникация задает необходимость выражения информации в общедоступной форме. Таким образом, одной из задач производства научного знания в рамках данной оптики становится перевод речи с языка профессионального на язык обыденный. Стратегии оперирования знания участниками производства приносятся извне, что приводит к необходимости их модификации в ответ на потребности конкретной исследовательской задачи. Основным инструментом производства знания в данной концепции становятся технологии. Так как в процессе коммуникации в рамках социо-эпистемической арены каждый участник выступает равноценным субъектом познания, то личностные характеристики получаемого знания обратно пропорциональны числу коммуникантов. Механизм формирования коммуникативных практик в данной концепции является горизонтальным – это широкое сетевое поле бытования коллективно разделяемых представлений. Роль историка в данном пространстве заключается в научном подтверждении актуальности конкретных тем медиаповестки, а также в выборе научных инструментов верификации получаемого знания. Устройство социально-эпистемических арен подчинено логике медиа.

В концепции К. Кнорр-Цетина, которая появилась значительно раньше концепции зон обмена, предпринята попытка увязать противоположные подходы к анализу производства научного знания. В 1982 г. в своей статье «Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research: A Critique of Quasi-Economic Models of Science» автор утверждает, что зоны обмена, в которых проводятся научные (лабораторные) исследования, являются трансэпистемическими, т.е. в них входят как представители науки, так и внешние для нее акторы. Соответственно, предметом их взаимодействия могут быть и технические, и нетехнические аргументы. Из этого тезиса вытекает радикальное следствие: в лабораторных работах, в которые всегда опосредованно и непосредственно включено большое количество техников, критерии принятия решений неизбежно будут трансэпистемическими, а значит, трансэпистемическими являются как сами исследования, так и их продукты [11].

Ученые постоянно выходят за пределы пространства исследования. Изучение этого процесса с неизбежностью выводит нас к аренам действий, трансэпистемическим как по составу участников, так и по процессам и результатам, связывающих их коммуникаций. Эти арены нельзя отнести к науке как конкретной отрасли, состоящей из дисциплин, если само отнесение будет последовательным и строгим. Рассматривая конкретные примеры. Кнорр-Цетина отмечает, что переписывание предложения о гранте с целью визита ученого в Вашингтон обычно включает в себя нечто большее, чем изменение названия. Однако само поле является «теоретическим» в том смысле, что оно не может быть эмпирически идентифицировано независимо от социальных областей, в которых происходят транзакции. В этом случае анализ трансэпистемических арен сталкивается с двумя трудностями. Первая связана с символическими отношениями – они гетерогенны, так как гетерогенен состав коммуникантов. Вторая относится к оценке масштаба вклада трансэпистемической коммуникации в производство знания.

Заключение

В случае трансдисциплинарности представляется целесообразным вести речь о специфической цифровой среде, которая может создаваться на платформе цифровых медиа в том смысле, который использует Д. С. Артамонов. Однако трансдисциплинарная коммуникация вполне осуществима в пространстве, являющемся, с точки зрения участников-людей, офлайновым,

хотя и включающим умные вещи, цифровые гаджеты, которые связываются с цифровым пространством, не вовлекая туда людей напрямую. В этом случае на передний план выходит то понимание обмена между коммуникантами, которое разрабатывается И. Т. Касавиным. С позиции людей, их взаимодействия являются нецифровыми, но актанты все равно укореняют их в цифре. В итоге трансдисциплинарность может быть рассмотрена как специфическая форма цифровой социальной коммуникации.

Список литературы

1. Пирожкова С. В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, вып. 1. С. 67–82. <https://doi.org/10.5840/eps20185519>
2. Шибаршина С. В. Социальные сети для ученых: новая форма социальности? // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, вып. 4. С. 21–28. <https://doi.org/10.5840/eps201956463>
3. Петрова Е. В. Междисциплинарность и краудсорсинг в экологии как ответы на вызовы техногенной цивилизации // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, вып. 4. С. 117–122. <https://doi.org/10.5840/eps202057463>
4. Ерофеева М. А. Шутки в сторону! Акторно-сетевая теория о легитимации научного знания // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 27–37.
5. Полонская И. Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 72–75.
6. Сосновская А. М. Проблема применения метода акторно-сетевой теории в теории медиа и медиакоммуникации // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Т. 5, № 4. С. 282–304. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4.435>
7. Касавин И. Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, вып. 1. С. 8–17. <https://doi.org/10.5840/eps20175111>
8. Артамонов Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 238–242. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>
9. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действия // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
10. Артамонов Д. С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2023. 356 с.
11. Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science // *Social Studies of Science*. 1982. № 12. P. 101–130.

References

1. Pirozhkova S. V. The principle of participation and contemporary mechanisms of producing knowledge in science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, iss. 1, pp. 67–82 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20185519>
2. Shibarshina S. V. Social networks for researchers on the internet: A new sociality? *Epistemology and Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, iss. 4, pp. 21–28 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201956463>
3. Petrova E. V. Interdisciplinarity and crowdsourcing in ecology as reply to the challenges of technogenic civilization. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, iss. 4, pp. 117–122 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202057463>
4. Erofeeva M. A. Jokes aside! Actor-network theory on the legitimization of scientific knowledge. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 6–7, pp. 27–37 (in Russian).
5. Polonskaya I. N. B. Latour's alternative sociology: concerning methodology description. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2012, no. 6, pp. 72–75 (in Russian).
6. Sosnovskaya A. M. The problem of applying the actor-network theory method in media theory and media communication. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2023, vol. 5, no. 4, pp. 282–304 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i4.435>
7. Kasavin I. T. Exchange zones as the subject of social philosophy of science. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, iss. 1, pp. 8–17 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20175111>
8. Artamonov D. S. Socio-epistemic arenas of historical cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 238–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242>
9. Galison P. Exchange zone: Coordination of beliefs and actions. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], 2004, no. 1, pp. 64–91 (in Russian).
10. Artamonov D. S. *Media Memory in the Communication Space of a Digital Society*. Diss. Dr. Sci. (Philos). Saratov, 2023. 356 p.
11. Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science. *Social Studies of Science*, 1982, no. 12, pp. 101–130.

Поступила в редакцию 28.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 28.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 02.05.2024